Поэтический текст И. В. Гёте «Прометей» в музыкальной интерпретации Ф. Шуберта

Теория музыки

Кучма Дарья Олеговна

Государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение Краснодарского края «Краснодарский музыкальный колледж им. Н.А. Римского-Корсакова»

Теория музыки III курс

Алишевич Татьяна Алексеевна (преподаватель, председатель цикловой комиссии Теория музыки, заслуженный работник культуры РФ)

Содержание

Введение 3
Основная часть 7
I. Анализ поэтического текста 7
1. Образ Прометея 7
2. Сравнительный анализ переводов 9
3. Метрические особенности стихотворения Гёте «Прометей» 11
II. Анализ музыкального текста 14
1. Структура музыкального произведения 14
2. Тонально-гармоническое развитие 16
3. Интонационное развитие 18
Заключение 24
Список литературы 25
Приложение 28

Введение

Речь и музыка взаимосвязаны общностью многих свойств, среди которых главное место принадлежит интонации, которая наделена смысловой информацией. Особый интерес вызывают вокальные произведения, в которых осуществляется одновременное действие закономерностей музыкального и поэтического искусства.

Объектом нашего исследования стала песня Ф. Шуберта «Прометей». Для рассмотрения этого вокального сочинения определены несколько задач:

- во-первых, определить жанр воспроизведённой речи и стиль произношения, что характеризует речевую ситуацию и позволяет конкретизировать речевой прообраз;
- во-вторых, выяснить отношение композитора к воплощению слов в музыке, «слов-типов» (по выражению Л. Щербы)[1], которое определяет индивидуальные черты мелодики:
- в-третьих, выделить линию речевой интонации – интонационную фабулу и содержащиеся в ней типы интонаций, так называемые интонемы.

Наконец, необычайно важно осознать функцию отождествления говорящего: любая речь принадлежит человеку и всегда его характеризует. Поэтому важно понять, кому именно принадлежит речь, содержащаяся в вокальном произведении.

Предварило эту работу рассмотрение панорамы произведений, связанных с образом Прометея.

В классическую эпоху этот сюжет не был в центре внимания композиторов. Крупные мастера второй половины XVIII века редко обращались к титанической теме, отдавая предпочтение иным сюжетам. На

[1] Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность. — Л., 1974. — С. 24-39

этом фоне выделяется произведение Л. Бетховена, стоящее особняком, – его балет «Творения Прометея» (ор. 43, 1801). Это сочинение не только заложило основы для героико-симфонического прочтения мифа, но и оказало непосредственное влияние на следующее поколение музыкантов, включая Шуберта. Тема из финала балета легла в основу знаменитых «15 вариаций с фугой» для фортепиано (ор. 35), которые сам Бетховен называл «Прометеевыми вариациями».

К фигуре титана обращались композиторы-романтики, для которых бунтарский дух и идея творческого самопожертвования стали ключевыми. Так, Ф. Лист в симфонической поэме «Прометей» (1850) создал масштабную оркестровую фреску, символизирующую борьбу света с тьмой и торжество человеческого гения. В русской музыкальной традиции к этой теме обращались С. Танеев, включивший хор «Прометей» в цикл «Двенадцать хоров a cappella» (1909), где мощная полифония воплощает идею коллективного страдания и духовной стойкости, а также А. Скрябин, чья «Поэма огня „Прометей“» (1910) с её сложной гармонией, световой партией представляет титана как символ творческой энергии, преобразующей мир. М. Гнесин в симфоническом фрагменте «Из Шелли» («К „Освобождённому Прометею“») (1934) продолжил эту традицию, интерпретируя философскую драму П. Шелли в контексте музыкальных исканий начала XX века.

Одним из композиторов-романтиков, который обратился к воплощению образа Прометея, был Шуберт, редкий дар которого – умение слышать интонацию текста – позволил создать уникальное лирическое произведение. Выбор песни «Прометей» в качестве произведения для исследования не случаен. К изучению песен Шуберта обращались многие исследователи, но данное произведение не рассматривалось никем, по крайней мере, в отечественных работах.

Учитывая, что поэтический текст даёт возможность различных смысловых интерпретаций, которые зависят от понимания композитором словесного текста, ключевой задачей является выявление взаимосвязи слова и музыки. Одним из

направлений анализа стало рассмотрение вариантов перевода с немецкого языка, их соответствие исходному тексту.

В предварительной работе мы рассматривали теоретические работы Е. Ручьевской[2], Е. Чигарёвой[3], И. Лаврентьевой[4].

В зарубежном музыкознании проблемами шубертовской песни занимались многие крупные учёные. В их числе следует назвать В. Дюрра (редактора «песенной» серии в Новом собрании сочинений Шуберта), а также таких исследователей, как Г. Аберт, В. Феттер, Э. Портер, О. Дойч, Д. Грин и другие, чьи работы составили важную часть современного шубертоведения.

В отечественном музыкознании весомый вклад в изучение песенного наследия композитора внесли такие авторы, как В. Конен, П. Вульфиус, В. Костарев, И. Лаврентьева и другие.

Фундаментальное значение для понимания стилистики имеют труды Ю. Хохлова[5], в которых всесторонне рассматриваются особенности мелодики, гармонии, ритма и фактуры, а также вопросы формообразования и эволюции строфической песни.

В центре внимания трудов Э. Стручалиной[6] находятся проблемы гармонии и формообразования в песнях Шуберта. Они позволили существенно углубить понимание композиционных принципов мастерства Шуберта и проследить эволюцию его стиля.

---

[2] Ручьевская Е. А. Анализ вокальных произведений. — Л. : Музыка, 1988. — 352 с.

[3] Чигарева Е. И. Особенности формообразования в вокальной музыке. Методика анализа : учебное пособие. — М. : Московская консерватория, 2023. — С. 104

[4] Лаврентьева И. В. Вокальные формы в курсе анализа музыкальных произведений. — М. : Музыка, 1978. — 80 с.

[5] Хохлов Ю. Н. Песни Шуберта. Черты стиля. — М. : Музыка, 1987. — 302 с

Хохлов, Ю. Н. Строфическая песня и её развитие от Глюка к Шуберту. — М. : Букинист, 1997. — 404 с.

[6] Стручалина Э. А. Гармоническое строение куплетно-вариантной формы в песнях Ф. Шуберта / Теоретические вопросы вокальной музыки: труды ГМПИ им. Гнесиных. — Вып. 44. — М. , 1981. — 182 с.

Стручалина Э. А. Роль гармонии в построении малой формы в песнях Шуберта. — М. , 1984. — 101 с.

Стручалина Э. А. Взаимоотношение гармонии и формообразования в песнях Шуберта: автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.02; Гос. консерватория ЛитССР. — Вильнюс, 1989. — 27 с.

Детально песенное творчество Шуберта рассмотрено в работах Н. Пилипенко «Слово и музыка в песнях Ф. Шуберта: опыт образно-смысловой интерпретации»[7], которое рассматривается как единый текст, устойчивые образные мотивы складываются в систему. Пилипенко вводит понятие музыкального «топоса» для обозначения комплекса средств с закреплённой семантикой и выявляет глубинную связь между поэтикой романтизма и музыкальным языком Шуберта.

Рассмотрение поздней песни «Прометей» (D. 674) в указанных трудах отсутствует, и данная работа представляет её целостный анализ.

[7] Пилипенко Н. В. Слово и музыка в песнях Ф. Шуберта: опыт образно-смысловой интерпретации: дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.02; Российская академия музыки им. Гнесиных. — М., 2002. — С. 330

Основная часть

Изучая романтическую гармонию в учебных курсах, было обнаружено, что музыкальный язык Шуберта и выразительные средства сохраняют основные семантические единицы эпохи барокко, применённые в новых стилевых условиях. Значительно расширяются гармонические техники, появление которых, по-видимому, связываются с особым интересом и воплощением в музыке внутреннего мира человека. Одним из героев в музыке Шуберта становится Прометей. На слова Гёте композитор создаёт сочинение, удивительное по глубине и семантической насыщенности музыкального языка.

I. Анализ поэтического текста

1. Образ Прометея

Образ Прометея – один из самых устойчивых и многогранных в мировой культуре. К нему обращались в разные исторические эпохи многие писатели и композиторы. От эпохи к эпохе миф претерпевал изменения, отражая смену философских и этических идеалов.

В античный период существовали две ключевые трактовки сюжета о Прометее. Первая, самая ранняя, принадлежит Геосиду (700 год до н. э.) («Теогония, «Труды и дни»). В его интерпретации Прометей – хитрый обманщик, который ослушался Зевса, похитил огонь, и подвергается суровому наказанию:

«Рад ты, что выкрал огонь и мой разум обманом опутал

На величайшее горе себе и людским поколеньям!»[8]

Почти 350 лет спустя Эсхил (443 – 444 гг. до н. э.) создаёт новый образ («Прометей прикованный»). В его трактовке титан становится защитником человечества, наделен даром предвидения, человеколюбием и состраданием. В

[8] Гесиод. Работы и дни ; Теогония : [поэмы] / пер. с древнегреч. В. В. Вересаева. — Текст : электронный // Библиотека Максима Мошкова : [сайт]. — URL: https://lib.ru/POEEAST/GESIOD/trudy.txt (дата обращения: 22.03.2026)

несохранившейся части трилогии предполагалось примирение Прометея с верховным богом.

В эпоху классицизма Прометей начинает переосмысливаться не только как мифологический бунтарь, но и как символ просвещения, носитель знаний, несущий свет цивилизации. Ярким примером такой трактовки в русской литературе является творчество М. В. Ломоносова. В «Письме о пользе стекла»[9] он обращается к фигуре Прометея, интерпретируя миф о похищении огня как аллегорию научного открытия, служащего на благо человечества. Для Ломоносова просветителя Прометей – это, прежде всего, творец и учёный, чей дар (огонь) уподобляется дару познания (стеклу), способному преобразить мир.

В эпоху романтизма многих поэтов продолжал интересовать этот образ.

И. Гёте неоднократно обращался к нему, порой кардинально видоизменяя. В оде «Прометей» (1774 г.)[10] – это символ гордого, созидающего героя, который бросает вызов богам не ради людей, а в утверждение собственной творческой силы и независимости. Знаменитые слова «Schließlich sind wir alle ewig! Ich bin ewig, denn ich existiere» («В конце концов, мы все вечны! Я вечен, потому что существую») – становятся манифестом человеческой личности, её права на творчество и свободу от любой высшей власти.

Образ Прометея в философской драме П. Б. Шелли «Освобождённый Прометей» (1819)[11] символизирует воплощение высшего нравственного совершенства, альтруистической любви и бескорыстия.

В русской литературе XIX века образ Прометея нашёл глубокий отклик. Как отмечает В. Б. Дёмкина[12], в этот период титан начинает восприниматься не

---

[9] Ломоносов М. В. Избранные произведения / сост. О. Д. Минаева. — М. : Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова; Издательство Московского университета, 2011. — С. 110–122

[10] Гёте И. В. Прометей / пер. М. Л. Михайлова // Lib.ru/Классика. — URL: http://az.lib.ru/g/gete_i_w/text_1871_prometey.shtml (дата обращения: 22.03.2026)

[11] Шелли П. Б. Освобожденный Прометей / пер. К. Д. Бальмонта – СПб. : Шиповник, 1907. — С. 178

[12] Дёмкина В. Б. Вечный образ Прометея в русской литературе [Электронный ресурс] // XII Международный конкурс научно-исследовательских и творческих работ учащихся «Старт в науке». С. 3. URL: https://files.school-science.ru/pdf/12/6062d40483a9b.pdf (дата обращения: 22.03.2026)

только как античный герой, но и как некий «вечный образ», олицетворяющий служение людям, духовную свободу и тираноборчество.

Прометей у Н. Огарёва в стихотворении («Прометей» – 1841)[13] предстаёт Творцом людей, который вдохнул в них частицу своей бунтарской сущности – «огонь небесный... с враждою вечною к тебе [Зевсу]». Страдание титана осмысливается как акт творения, породивший вечный конфликт между свободным человеческим духом и деспотической властью. Его физическая мука трансформируется в моральную победу.

Я. Полонский («Прометей», написано между 1880 и 1885 г.) делает акцент на жертвенности и светоносной силе Прометея: он олицетворяет «Божественный свет» – знание, любовь и творческий дар, которые несёт «тёмным людям».

Таким образом, эволюция образа Прометея демонстрирует путь от мифологического персонажа, олицетворяющего неповиновение титанического бунтаря-индивидуалиста эпохи Просвещения к символу альтруистической жертвенности и духовного творчества в романтической европейский и русской литературе.

2. Сравнительный анализ переводов

Шуберт неоднократно обращался к творчеству Гёте. Пилипенко пишет: «Поэзия <…> Гете <…> сопровождала Шуберта на протяжении почти всей его творческой жизни»[14].

Работа с поэтическим текстом на немецком языке, требует точного понимания первоисточника. Начальным этапом было обращение к подстрочному переводу, а затем сравнение с художественным[15].

---

[13] Огарёв, Н. П. Прометей / Русская литература : сайт. — URL: https://rus-lit.ru/lit/text/84/150372/Ogarev/prometej.htm (дата обращения: 22.03.2026)

[14] Пилипенко Н. В. Слово и музыка в песнях Ф. Шуберта: опыт образно-смысловой интерпретации: дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.02; Российская академия музыки им. Гнесиных. — М., 2002. — С. 24

[15] Сравнительный анализ текстов дан в Приложении

Перевод М. Павловой[16] представляет собой пример адаптации оригинального стиля, в котором первостепенным становится создание цельного поэтического образа, передать содержание, ритмико-мелодического и композиционно-структурную сторону подлинника.

Для более точной интерпретации смысла немецкого текста при анализе музыкальных примеров в работе использован подстрочный перевод, написанный И. Назаренко (доцент КубГУ, кандидат филологических наук).

Подстрочные переводы – без рифмы, с сохранением смысла каждого слова, стремятся передать глубокое понимание оригинального текста.

Так, в переводе Павловой произошла трансформация ключевых смыслов оригинального текста:

- мощный и конкретный образ «Opfersteuern» – «жертвенного налога» или «дани», раскрывающий отношение Прометея к богам, живущим за счёт людей, заменяется на обобщённые «молитвами» и «стенаньем жертв». Это смягчает социально-критический пафос тирады, превращая её в более отвлечённый упрёк;
- переосмыслению подвергается центральный для Прометея риторический вопрос:

Схема 1. 58-60 тт.

Немецкий	Hast du's nicht alles selbst vollendet,/Heilig glühend Herz?
Подстрочный	Не ты ли все само завершило/Святое мерцающее сердце?
Перевод Павловой	Разве не сердце, /что пылало праведным огнем?

Акцент смещается с деятельного начала на состояние «пылания»;

- вызов богам также теряет свою остроту.

Схема 2. 69-71 тт.

Немецкий	Hast du die Schmerzen gelindert/Je des Beladenen?
Подстрочный	Разве ты боль смягчил/Воззвавшего к тебе?

[16] Шуберт, Ф. Прометей : [романс] : перевод М. Павловой // Notes24 : нотный архив. — URL: https://notes24.ru/penie/vokalnyie-proizvedeniya-russkix,-sovetskix-i-zarubezhnyix-kompozitorov-(romansyi,-pesni)/shubert-f.-prometej.-perevod-pavlovoj-m..html (дата обращения: 22.03.2026)

Перевод Павловой	Хоть раз смягчил ли ты /муки тяжкие узника?

Понятия «боль» и «угнетённый» заменяются на «утешение» и «страдалец», что делает образ более лиричным;

- идея творения нового человечества преподносится иначе:

Схема 3. 92-96 тт.

Немецкий	Hier sitz ich, forme Menschen/Nach meinem Bilde
Подстрочный	Здесь нахожусь я, принимаю форму человека/По моему образу (изображению)
Перевод Павловой	Так знай же: /Ныне по моему подобью /Род людской я формую

Прямая параллель с божественным актом творения и вызов ему, переводится как менее прямой характер действия.

- В этой строке видна разница художественного и подстрочного переводов:

Схема 3. 26-28 тт.

Немецкий	Ich kenne nichts Ärmers/Unter der Sonn als euch, Götter.
Подстрочный	Я не знаю никого беднее/Под Солнцем, чем вы, боги!
Перевод Павловой	Кто более жалок под этой луной, /чем вы, боги!

Речитатив приходит к двум опорным словам. Смысл первого из них изменён в художественном варианте («Под солнцем» – в подстрочном, «Под Луной» – в художественном), в то время как финальный акцент – «Боги » – един.

3. Метрические особенности стихотворения Гёте «Прометей»

Стихотворение написано свободным стихом с переменным метром, что отражает динамику монолога Прометея – от вызова к рефлексии, от гнева к утверждению собственной воли. Преобладающим размером является ямб, что соответствует возвышенному героическому пафосу, характерному для оды.

Рифмовка смешанная – встречаются как мужские, так и женские окончания, с преобладанием мужских, что усиливает чёткость и энергию речи.

Особую роль в стихотворении играет лексический параллелизм божественных образов, который структурно организует текст и подчёркивает эволюцию самосознания лирического героя:

Зевс (первая строфа) – символ внешней власти, которой бросается вызов;

Боги (вторая строфа) – обобщённый образ чуждой, паразитической силы;

Солнце (третья строфа) – детская наивная вера в высшую справедливость;

Титаны (четвёртая строфа) – память о титанической борьбе, где Прометей остался один;

Боги (пятая строфа) – возвращение к критике несостоятельности божеств;

Прометей (шестая строфа) – завершающее самообожествление, утверждение творца, заменяющего богов. Этот последовательный ряд не только выстраивает сюжетную линию, но и метрически поддерживается: каждый новый образ сопровождается сменой ритмического рисунка, чем усиливаются смысловые акценты.

В первой строфе доминирует ямб, создающий интонацию уверенного вызова Зевсу.

Во второй строфе ямб сохраняет свою роль, но метрический рисунок становится более неровным, что отражает нарастание эмоционального напряжения. Появление хорея в ключевых моментах (например, «Eure Majestät») подчёркивает ироничное отношение к богам.

Третья строфа с элементами сентиментальной лирики, что выражено через мягкие ямбические и хореические схемы. Метрическая плавность связана с тем,

что Прометей вспоминает детство и обращается к солнцу. Важную роль играют лексические параллелизмы, которые поддерживаются повторением метрических фигур.

В четвёртой строфе метрика становится более прерывистой, что соответствует вопросам-упрекам, обращённым к богам. Чередование ямба и хорея создаёт эффект диалогичности, напряжённого внутреннего спора. Особое внимание заслуживает ключевой глагол «geschmiedet» («выковал»), который несёт двойную семантику: с одной стороны, это образ кузнеца, творящего человека, с другой – указание на страдание и боль («выкован страданием»). Этот оксюморонный образ подчёркивает идею формирования личности через испытания и одновременно – роль Прометея как демиурга, который сам становится творцом.

Пятая строфа – кульминация монолога, утверждение собственной творческой воли. Она метрически устойчива, с преобладанием ямба.

Последняя строфа метрически наиболее сложна: в ней встречаются ямб, амфибрахий и анапест. Особенно важна сильная позиция последних строк, где метрика выравнивается в ямбическую схему

Ниже представлена сводная таблица метрической структуры по строфам:

Схема 4

Строфа	Преобладающий размер	Особенности метра и образный ряд
I	Ямб	Появление хорея в саркастических фрагментах. Образ Зевса как оппонента.
II	Ямб	Неровный ритм, чередование мужских и женских окончаний. Образ богов как паразитической силы.
III	Ямб с элементами хорея	Плавная метрика, сентиментальные интонации. Обращение к Солнцу как к наивной вере.
IV	Чередование ямба и хорея	Прерывистый ритм, вопросы-упрёки. Упоминание Титанов и мотив борьбы. Глагол «geschmiedet» как символ страдания и творения.

V	Ямб	Устойчивый ритм, анафоры, градация. Возвращение к критике богов.
VI	Амфибрахий, анапест, ямб	Сложная метрическая картина, синтез мотивов. Прометей как самодостаточный творец, завершающий параллелизм божественных образов.

Образ Прометея окончательно замещает богов – он сам становится божественным мотивом, подчёркивается финальное утверждение «Я» как творческого начала.

II. Анализ музыкального текста

1. Структура музыкального произведения

Для рассмотрения особенностей формообразования мы обратились к работе В. П. Костарева «Вокальное произведение как синтез искусств»[17]. Подобные «Прометею» произведения, автор относит их к разнотемно-строфическим (или сквозным) формам: «Разнотемно-строфические – это формы, состоящие из последования строф различного тематического содержания. Подобные формы используются преимущественно в произведениях повествовательного, сказового, монологического или драматического характера. <...> каждая строфа, как правило, излагает самостоятельную музыкальную тему, соотнесённую с развитием содержания поэтического текста: новый текст вызывает новую музыкальную тему»[18].

В структуре «Прометея» отчётливо прослеживается эта закономерность: шесть поэтических строф Гёте распределены композитором в три крупных раздела, каждый из которых имеет самостоятельный тематический материал, тональный план и фактурное решение.

[17] Костарев В. П. Вокальное произведение как синтез искусств: учебное пособие по анализу вокальных произведений. — Екатеринбург, 2005. — 310 с.
[18] Там же. — С. 153

Для организации свободного строфического ряда используются различные способы его организации: последовательная смена темпов (Kräftig – Etwas langsamer – Geschwinder – Etwas langsamer – Kräftig), тональное движение от g-moll к C-dur, динамические контрасты – всё подчинено логике монолога, развивающегося от гневного вызова через рефлексию к итоговому самоутверждению.

По драматургической логике Костарев выделяет два основных вида строфических форм: векторные и альтернативные. Векторные определяются как «формы единой восходящей драматургической волны с отчетливо выраженной направленностью развития к смысловому итогу, содержащемуся в последней строфе (строфах). Итог является и главной кульминацией произведения»[19]. Этой характеристике «Прометей» соответствует в полной мере: все предшествующие строфы подготавливают финальное утверждение в C-dur, которое становится одновременно и смысловым, и драматургическим итогом.

В «Прометее» Шуберта «ступенчатое строение композиции» (термин Жирмунского[20]) показывает «композиционное расчленение материала, которое одновременно осуществляется в разных сторонах художественного произведения»: смысловое членение, синтаксический параллелизм и единство, создаваемое композиционной конструкцией проявляется в трехчастном членении, где каждая ступень (строфа) обладает внутренним единством, но все вместе они подчинены единой восходящей линии развития к финальному итогу.

Композитор расположил 6 строф поэтического текста в 3 разделах. Каждый отличается тонально, фактурно, исполнительскими ремарками, а также многочисленными знаками остановок движения (паузы, фермaты, крупные длительности).

---

[19] Там же. — С. 154-155

[20] Жирмунский В. М. Композиция лирических стихотворений. — Петербург : Опояз, 1921. — 112 с.

Схема 5

I строфа	1-28 тт.	*Kräftig*	g-moll
II строфа	29-82 тт., 83-87 тт.	*Etwas langsamer* *Gecschwinder*	b-moll/d-moll es-moll
III строфа	88-109 тт.	*Etwas langsamer* *Kräftig*	Gis-dur C-dur

Грани строф отделены каденциями: первая строфа завершена доминантой основной тональности (g-moll), вторая – доминантой новой тональности (C-dur), третья тонально завершает движение в C-dur.

2. Тонально-гармоническое развитие

Тональное развитие отличается красочностью и взаимодействует с содержанием текста. Он подвижен, присутствуют как некоторые классические закономерности, так явно видны романтические черты.

Схема 6

Строфа I	Строфа II	Строфа III
b ˅ d ˅d F e F D	Es ˅ Ces=H C Ges=Fis - h c cis/D (Gis) gis C	C

Начальная строфа предваряется вступлением, в котором формируется основная тональность. И во вступлении, и в начале строфы композитор показывает семантически значимые краски: героический B-dur сменяется напряжённым, контрастным d-moll.

В первой строфе тональное движение подвижное, что мало характерно для экспозиционных построений: наряду с выдержанным тоническим басом присутствуют эллипсисы, существующие метроритмические повторы не подкреплены гармонически – каждый раз повтор завершается по-разному. Это также соответствует речевой природе мелодии, на что указывает ремарка Recitativo. Раздел завершает гармоническая каденция (15-17 тт.) в тональности

g-moll. Все его тонально-гармонические опоры обрисовывают мужественный облик героя:

Схема 7

T - VI=t - II^b - III - s - VI

(B g As B c Es)

Гармония второй строфы выполняет развивающую функцию, начинается неустойчиво и постоянно подвижна: наряду с насыщенным гармоническим развитием располагаются тональности разных степеней родства. Их последование создаёт впечатление преодоления трагедийного начала и достижения света в конце раздела. Так, первый тональный блок – глубокие b-moll и d-moll, характерные скорбным звучанием. Самый напряжённый следующий раздел (42-65 тт.), в котором вместе с продолжением тональностей печального содержания (d, e) звучит пасторальный F-dur. Будущие переключения (54-58 тт.) очень напряжённые, тональности движутся по секундам вверх, встречаясь по дороге с неродственными. Основное направление – к достижению торжествующего C-dur. Все они находятся в движении, ни одна из них не закреплена, и явно видна тенденция их включения необычным путём: секвенция, сопоставление, выдерживание баса, энгармоническая замена. Такое напряжённое и сложное движение характерно для романтической гармонии.

Схема 8

Строфа II

b,v d, vd, F, e, F, D → Es,v Ces=H, C, Ges=Fis - h, c, cis, D, (Gis) gis, C

Последняя, третья музыкальная строфа вводит торжественный C-dur, котором и замыкается произведение. Она выполняет заключительную функцию, тонально устойчиво, и в его красках, кроме C-dur, есть As-dur (98-99 тт.). Он вводится побочной доминантой, и Es-dur, к которому ведёт аккорд

альтерированной II ступени (101-102 тт.) Аккордика этого раздела предельно ясная: аккорды T, S, D, причём тональные центры (помимо C, также Es и As) звучат на сильную долю, что придаёт характеру звучания уверенность, стабильность.

Уместно обратиться к понятию, которое вводит Костарев в учебном пособии «Вокальное произведение как синтез искусств». Анализируя сочинения с подобной драматургией, исследователь отмечает, что в них «нет привычной главной тональности, но есть тональность итоговая, к которой направлено модуляционное развитие»[21]. Указанное наблюдение в полной мере применимо и к «Прометею»: тональное движение от начального g-moll последовательно направлено к итоговому торжествующему C-dur. При этом, как замечает Хохлов, в большинстве случаев у Шуберта преобладают окончания в одноименной тональности (26 примеров из 30), что соответствует эстетике венских классиков. Однако «Прометей» демонстрирует иной, более смелый случай – завершение в далёкой мажорной тональности по отношению к исходной минорной, что подчёркивает исключительность драматургии этого сочинения и роднит его с образцами «векторной композиции», о которой пишет Костарев.

3. Интонационное развитие

В песне Шуберта представлены разные типы интонирования: речитативный, ариозный, гимнический. Их изменение связано с содержанием.

В контексте анализа шубертовского «Прометея», где первая строфа выдержана в речитативной манере (ремарка автора Recitativo), чрезвычайно важным представляется замечание Хохлова об истоках этого типа мелодики у композитора. Исследователь подчёркивает, что представление Шуберта о речитативе было связано почти исключительно с оперным искусством. По настоянию своего учителя Антонио Сальери он изучал старые итальянские

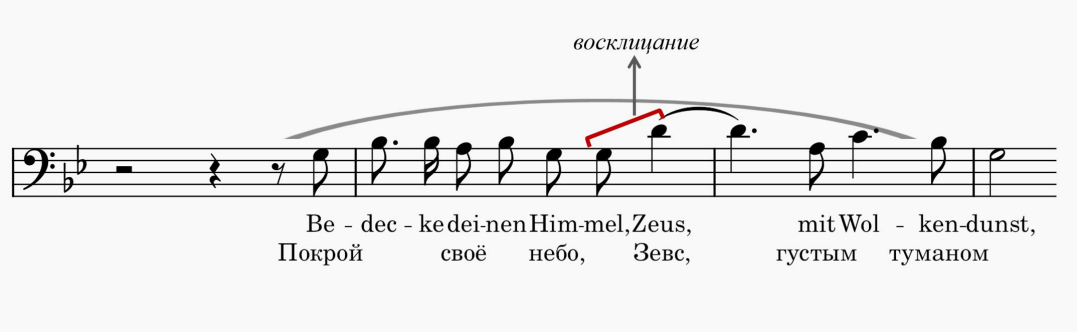
[21] Костарев, В. П. Вокальное произведение как синтез искусств: учебное пособие по анализу вокальных произведений. — Екатеринбург, 2005. — 310 с.

оперы, а также был хорошо знаком с операми, шедшими на венских сценах[22]. Это наблюдение проливает свет на природу драматического, декламационного склада, избранного композитором для монолога Прометея, связывая камерный жанр песни с высокой оперной традицией.

В первом разделе (7-28 тт.), который является образной экспозицией, бóльшая часть мелодий начинается с повторяющегося тона (звука). В нём можно выделить речитации и восклицательные интонации:

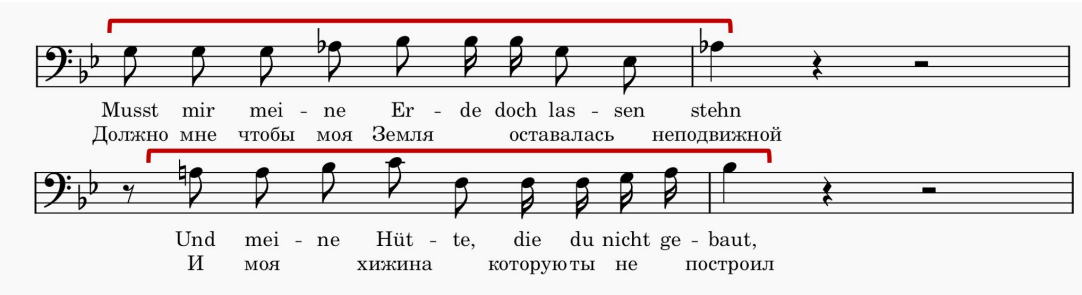
- начальная мелодия представлена в виду дуги, которая сочетается с речитацией на одном звуке, восклицательной интонацией обращения и спокойным завершением в конце раздела:

Пример 1. Ф. Шуберт «Прометей», тт. 7–9



- секвентно восходящий речитатив на словах «Землю же ты должен оставить» (Musst mir meine Erde):

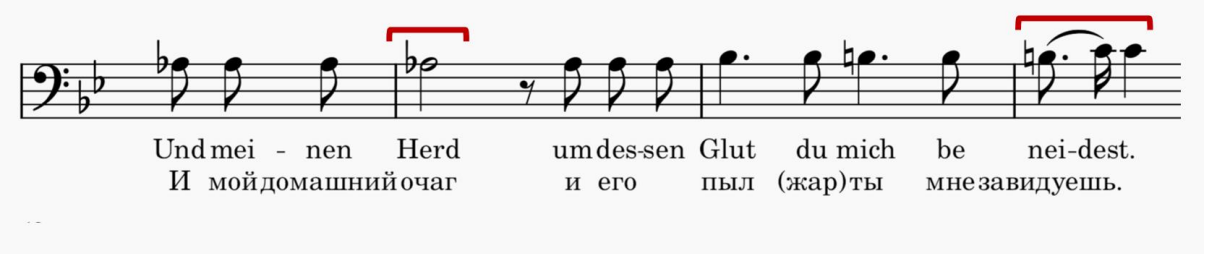
Пример 2. Ф. Шуберт «Прометей», тт. 18–21



- речитатив, усиленный восходящим ходом с включением хроматических звуков:

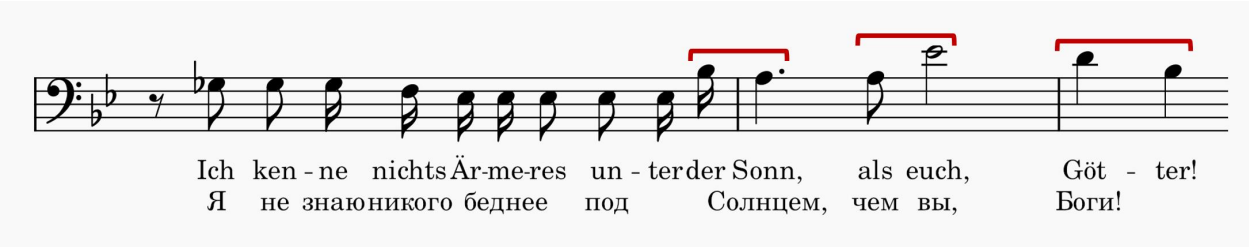
[22] Ю. Н. Хохлов. Песни Шуберта: Черты стиля. — М. : Музыка, 1987. — С. 85

Пример 3. Ф. Шуберт «Прометей», тт. 22–25



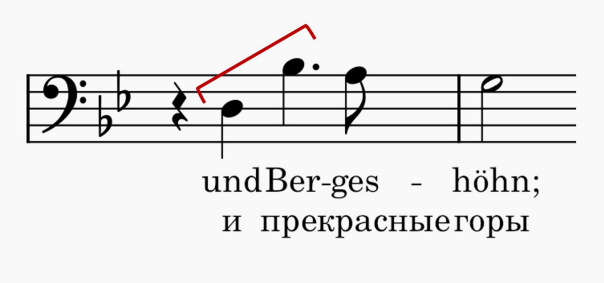
- речитативные мелодии метрически и интонационно подчёркнуты наиболее важные слова текста «der Sonn», «euch», «Götter» («Солнце», «вы», «Боги»):

Пример 4. Ф. Шуберт «Прометей», тт. 26–28



В первом разделе есть образ природы, который характеризуется широким восходящим ходом на м. 6:

Пример 5. Ф. Шуберт «Прометей», тт. 16–17

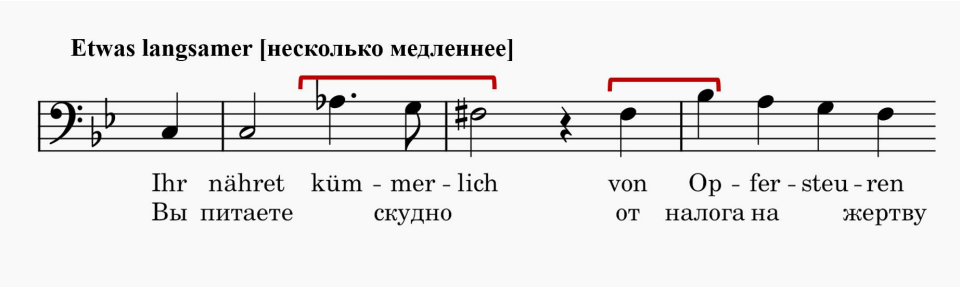


Второй раздел (29-82 тт.) – рассказ о своём доме, мелодия более подвижна; появление секвенции связано с перечислением предметов в доме. Завершает его обращение к Зевсу, в котором звучат восклицательные интонации.

Отличительная особенность этого построения – широкие ходы, распевность, медленный темп. Важным средством нового образа становятся гармония и фактура:

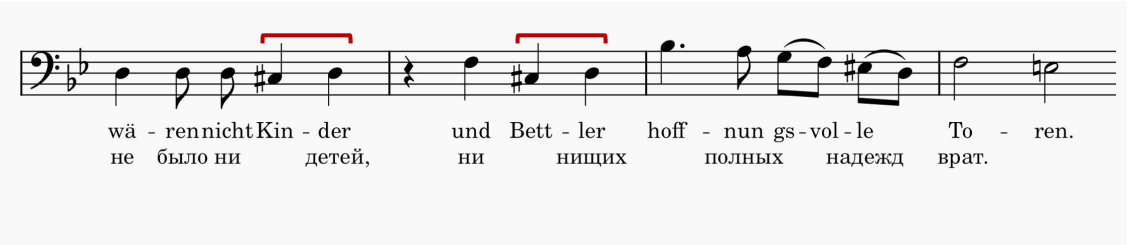
- начальный мотив графически обрисовывает звуки ум. 7. Однако во втором мотиве появляется противопоставление: восходящий восклицательный ход на ч. 4, который подчёркивает слово «Opfersteuern» («жертва»), который поддержан тональностью B-dur. Композитор рассматривает это слово с точки зрения героики:

Пример 6. Ф. Шуберт «Прометей», тт. 29–33



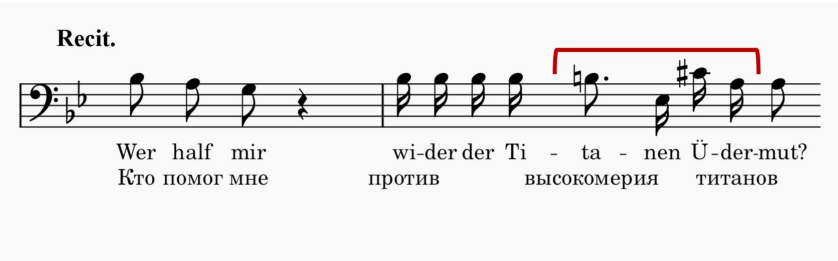
- при перечислении слов «нищих» и «детей» возникает секвенция, в которой подчёркивается семантический яркий ход на м. 2 (cis-d):

Пример 7. Ф. Шуберт «Прометей», тт. 38–40



- начало новой строфы поэтического текста отмечено (54 т.) возвращением речитатива: фразы становятся более дробными, с активным дыханием, укорачиваются интервально:

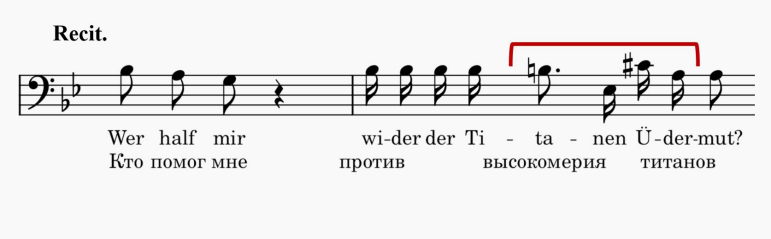
Пример 8. Ф. Шуберт «Прометей», тт. 54–55



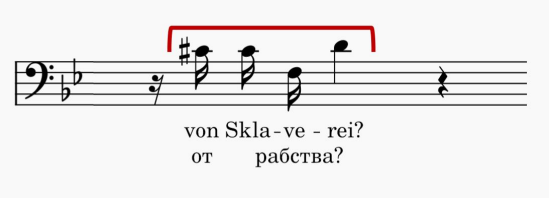
- слова «Высокомерие титанов/Titanen Übermut» (55 т.) совпадают с широким ходом на ч. 5 вверх и м. 6 вниз, которые обрисовывают мажорное

трезвучие, неожиданное среди минорных тональностей. Эта торжественно-вопросительная интонация секвентно повторяется (57 т.) на слова «От рабства?/Von Sklaverei?»:

Пример 9а. Ф. Шуберт «Прометей», тт. 55

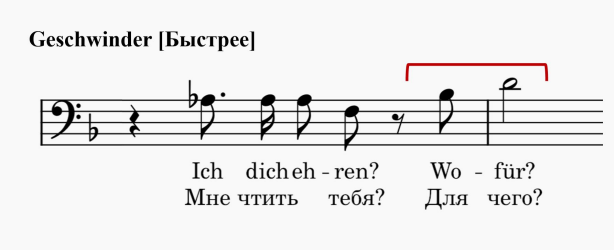


Пример 9б. Ф. Шуберт «Прометей», тт. 57

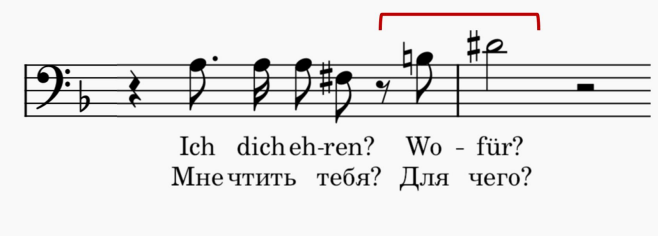


В этом разделе Шуберт впервые нарушает первоисточник, дважды повторяя вопрос «Для чего/Wofür». Развитие становится более напряжённым и динамичным, фразы дробными и приводят к кульминации:

Пример 10а. Ф. Шуберт «Прометей», тт. 67–68

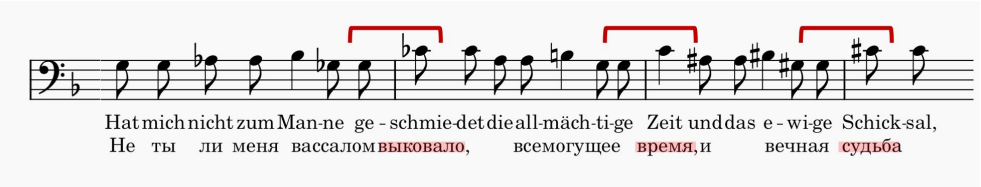


Пример 10б. Ф. Шуберт «Прометей», тт. 72–73



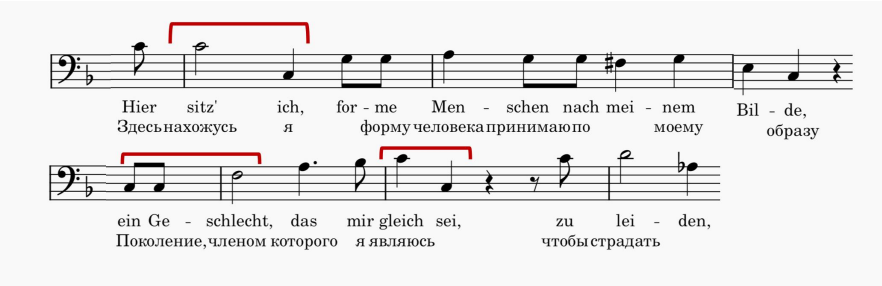
Кульминация песни краткая по объёму (78-82 тт.), но напряжённая интонационно и тонально. Речитативная фраза повторяется трижды, и окончание каждой поднимается хроматически по полутонам, приводя к cis-moll. Окончание каждого из построений – воклицательная кварта, которая подчёркивает опорные слова текста («geschmiedet» – «выковало», «Zeit» – «время», «Schicksal» – «судьба»):

Пример 11. Ф. Шуберт «Прометей», тт. 78–81



Интонационное содержание заключительного раздела составляют широкие интонации: октавы, квинты, кварты, звучащие в тональности C-dur. Они воплощают итог: утверждение силы созидающего духа, который преодолевает сложности жизни:

Пример 12. Ф. Шуберт «Прометей», тт. 92–97



Песня Шуберта показывает движение от минорных тональностей к гимническому C-dur, и композитор выражает жизнеутверждающее начало, которое он услышал в произведении Гёте.

Заключение

Анализ музыкальной интерпретации Шубертом поэтического текста И. В. Гёте «Прометей» позволяет сделать вывод о глубоком взаимодействии философского содержания, поэтической формы, музыкальной выразительности и драматургии.

Трёхчастное строение произведения, тональный план (от g-moll через напряжённые модуляции к торжественному C-dur) и интонационное развитие (от речитатива через ариозные фрагменты к гимническому заключению) гибко следуют за смысловыми и эмоциональными поворотами текста. Композитор использует гармонические, фактурные и интонационные средства для раскрытия ключевых образов: сарказма в обращении к Зевсу, скорби в описании богов, наивной веры в воспоминаниях о детстве и, наконец, самоутверждения в финале. Особую роль играет мотив «выковывания» («geschmiedet»), получающий яркое гармоническое и мелодическое воплощение и подчёркивающий идею формирования личности через страдание и собственное творческое выражение.

Таким образом, произведение Шуберта «Прометей» представляет собой глубокое художественное прочтение стихотворения, в котором музыка становится активным соавтором. Через взаимодействие тональных красок, интонационных архетипов и ритмической организации композитор раскрывает и усиливает философский и эмоциональный потенциал гётевской оды, создавая целостный образ Прометея как символа непокорности, творческой свободы и торжества человеческого духа.

В качестве перспективы дальнейшего исследования предполагается обратиться к русской музыкальной традиции. Интерес представляет хор Танеева «Прометей» на слова Полонского. Сравнение двух сочинений может выявить как общие закономерности, так и национальное своеобразие музыкального языка. Такой аналитический этюд-диптих может стать продолжением начатой работы.

Список литературы

1. Воспоминания о Шуберте / сост., пер., предисл. и примеч. Ю. Н. Хохлова. — М. : Музыка, 1964. — 412 с.
2. Гаспаров М. Л. Метр и смысл. К семантике русского трехстопного ямба / М. Л. Гаспаров. — М. : РГГУ, 1999. — 414 с.
3. Гесиод. Работы и дни ; Теогония: [поэмы] / пер. с древнегреч. В. В. Вересаева. — Текст: электронный // Библиотека Максима Мошкова: [сайт]. — URL: https://lib.ru/POEEAST/GESIOD/trudy.txt (дата обращения: 22.03.2026)
4. Гёте И. В. Прометей / пер. М. Л. Михайлова // Lib.ru/Классика: [сайт]. — URL: http://az.lib.ru/g/gete_i_w/text_1871_prometey.shtml (дата обращения: 22.03.2026)
5. Дёмкина В. Б. Вечный образ Прометея в русской литературе [Электронный ресурс] // XII Международный конкурс научно-исследовательских и творческих работ учащихся «Старт в науке». С. 3. URL: https://files.school-science.ru/pdf/12/6062d40483a9b.pdf (дата обращения: 22.03.2026)
6. Жирмунский В. М. Композиция лирических стихотворений / В. Жирмунский. — Петербург: Опояз, 1921. — 112 с.
7. Казанцева Л. П. Основы теории музыкального содержания: учебное пособие / Л. П. Казанцева. — СПб : Планета музыки, 2001. — 370 с.
8. Костарев В. П. Вокальное произведение как синтез искусств: учебное пособие по анализу вокальных произведений / В. П. Костарев. — Екатеринбург , 2005. — 310 с.
9. Конен В. Д. Шуберт / В. Д. Конен. — 2-е изд., доп. — М. : Музгиз, 1959. — 304 с.
10. Лаврентьева И. В. Вокальные формы в курсе анализа музыкальных произведений / И. В. Лаврентьева. — М. : Музыка, 1978. — 80 с.

11. Ломоносов М. В. Избранные произведения / сост. О. Д. Минаева. — М. : Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова; Издательство Московского университета, 2011. — 344 с.

12. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста: Структура стиха / Ю. М. Лотман. — Л. : Просвещение, 1972. — 274 с.

13. Огарёв Н. П. Прометей / Н. П. Огарёв // Русская литература : сайт. — URL: https://rus-lit.ru/lit/text/84/150372/Ogarev/prometej.htm (дата обращения: 22.03.2026)

14. Пилипенко Н. В. Слово и музыка в песнях Ф. Шуберта: опыт образно-смысловой интерпретации: дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.02 / Н. В. Пилипенко; Российская академия музыки им. Гнесиных. — М. , 2002. — 328 с.

15. Ручьевская Е. А. Анализ вокальных произведений : учеб. пособие / Е. А. Ручьевская; Ленингр. гос. консерватория, каф. теории музыки. — Л. : Музыка, 1988. — 352 с.

16. Стручалина Э. А. Взаимоотношение гармонии и формообразования в песнях Шуберта: автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.02 / Э. А. Стручалина; Гос. консерватория ЛитССР. — Вильнюс , 1989. — 27 с.

17. Стручалина Э. А. Гармоническое строение куплетно-вариантной формы в песнях Ф. Шуберта / Г. В. Стручалина // Теоретические вопросы вокальной музыки: труды ГМПИ им. Гнесиных. — Вып. 44. — М. , 1981. — 182 с.

18. Стручалина Э. А. Роль гармонии в построении малой формы в песнях Шуберта / Г. В. Стручалина // Актуальные проблемы ладогармонического мышления: сборник трудов. — М. , 1984. — 101 с.

19. Формы вокальной музыки: учеб. по анализу: для высш. и сред. музык. учеб. заведений / ред. Н. Ю. Афонина, В. В. Горячих, Н. И. Кузьмина; СПбГК им. Н. А. РимскогоКорсакова. — СПб. : Композитор • Санкт-Петербург , 2022. — 608 с.: ноты. — ISBN 978-5-7379-1038-9.

20. Хохлов Ю. Н. Песни Шуберта. Черты стиля / Ю. Н. Хохлов. — М. : Музыка, 1987. — 302 с.

21. Хохлов Ю. Н. Строфическая песня и её развитие от Глюка к Шуберту / Ю. Н. Хохлов. — М. : Букинист, 1997. — 404 с.

22. Чигарева Е. И. Особенности формообразования в вокальной музыке. Методика анализа: учебное пособие / Е. И. Чигарева; Московская государственная консерватория имени П. И. Чайковского, Кафедра теории музыки. — М. : Московская консерватория, 2023. — 104 с.

23. Шелли П. Б. Освобожденный Прометей / пер. К. Д. Бальмонта // Шелли П. Б. Полное собрание сочинений / под ред. В. Я. Брюсова. — СПб. : Шиповник, 1907. — 178 с.

24. Шуберт и шубертианство: сборник материалов научно-музыковедческого симпозиума, 30 сентября – 2 октября 1993 г. / сост. Г. И. Ганзбург. — Харьков , 1994. — 120 с.

25. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. — СПб. , 1974. — 432 с.

26. Эйхенбаум Б. М. О поэзии / Б. М. Эйхенбаум. — СПб. : Советский писатель, 1969. — 552 с.

Приложение

Подстрочный перевод	Перевод М. Павловой	Оригинальный текст И. Гёте
Покрой своё небо, Зевс,	Закрой, чертог небесный, Зевс,	Bedecke deinen Himmel, Zeus,
Густым туманом,	Туманом туч!	Mit Wolkendunst!
И научи, подобно отроку,	Как мальчик,	Und übe, Knaben gleich,
Чертополох уничтожать	что на лугу сбивает мак,	Der Disteln köpft,
И дубы, и прекрасные горы.	Хлещи дубы, вершины гор.	An Eichen dich und Bergeshöhn!
Дóлжно мне, чтобы моя Земля	Землю же ты должен	Musst mir meine Erde
Всё же оставалась неподвижной (стоя́щей)	оставить мне,	Doch lassen stehn
И моя хижина, которую ты не построил,	И эту хижину, что строил я,	Und meine Hütte, die du nicht gebau
И мой домашний очаг,	И мой очаг,	Und meinen Herd,
И его пыл (жар).	чей жар в тебе рождает	Um dessen Glut
Ты мне завидуешь.	зависть.	Du mich beneidest.
Я не знаю никого беднее	Кто более жалок	Ich kenne nichts Ärmers
Под Солнцем, чем вы, боги!	под этой луной, чем вы, боги!	Unter der Sonn als euch, Götter.
Вы питаете скудно	Величие своё	Ihr nähret kümmerlich
От налога на жертву	молитвами питаете вы	Von Opfersteuern
И молитвенного дыхания	и стенаньем жертв;	Und Gebetshauch
Ваше могущество		Eure Majestät
И бедствуете, не было	Погибли вы,	Und darbtet, wären
Ни детей, ни нищих	если б не дети	Nicht Kinder und Bettler
Полных надежд врат.	и безнадёжные тупицы.	Hoffnungsvolle Toren.
Там я ребёнком был,	Помню, ребёнком не раз я,	Da ich ein Kind war,
Ничего не понимая, что к чему,	попав в беду,	Nicht wusste, wo aus, wo ein,
Поворачивал я мой блуждающий глаз	обращал свой взор	Kehrte mein verirrtes Aug
К Солнцу, как тогда было	с надеждой к небу,	Zur Sonne, als wenn drüber wär
Ухо, чтобы слышать мою жалобу,	Словно ухо было там, чтоб жалобу услышать,	Ein Ohr, zu hören meine Klage,
Сердце как моё	Иль чья-то душа,	Ein Herz wie meins,
Было в угнетённом состоянии, чтобы сострадать.	что скорбь с униженным разделит.	Sich des Bedrängten zu erbarmen.

Кто помог мне против	Кто дал мне силу	Wer half mir wider
Титанов высокомерия?	для борьбы с титанами?	der Titanen Übermut?
Кто спасал от смерти меня,	От рабства и от гибели,	Wer rettete vom Tode mich,
От рабства?	кто спас меня?	Von Sklaverei?
Не ты ли все само завершило	Разве не сердце,	Hast du's nicht alles selbst vollendet,
Святое мерцающее сердце?	что пылало праведным огнем?	Heilig glühend Herz?
И мерцало (светило) молодо и хорошо.	Не сердце,	Und glühtest, jung und gut,
Обманутый, благодарю за спасение	что всегда стремилось жить в добре,	Betrogen, Rettungsdank
Спящего там , наверху.	обманщику вверяясь?	Dem Schlafenden dadroben?
Мне тебя чтить? Для чего?	Чтить тебя мне? За что?	Ich dich ehren? Wofür?
Разве ты боль смягчил	Хоть раз смягчил ли ты	Hast du die Schmerzen gelindert
Воззвавшего к тебе?	муки тяжкие узника?	Je des Beladenen?
Осушил ли ты слезы	Хоть раз утешил ли ты	Hast du die Tränen gestillet
Напуганного?	страдальца несчастного?	Je des Geängsteten?
Не ты ли меня вассалом выковало,	Разве не судьба	Hat nicht mich zum Manne geschmiede
Всемогущее время,	и не время всемогущее	Die allmächtige Zeit
И вечная судьба –	Сделали зрелого мужа из меня,	Und das ewige Schicksal,
Мои Господа и твои?	скажи мне?	Meine Herren und deine?
Тест на безумие рядом.	Или решил ты,	Wähntest du etwa,
Я должен был жизнь ненавидеть,	что жизнь проклинать я должен,	Ich sollte das Leben hassen,
В пустыню убегать,	Бежать в пустыню,	In Wüsten fliehen,
Потому что не все утренние мальчика	раз не все мечты мои	Weil nicht alle Knabenmorgen-
Мечты о крови созрели?	созрели?	Blütenträume reiften?
Здесь нахожусь я, принимаю форму человека	Так знай же:	Hier sitz ich, forme Menschen
По моему образу (изображению),	Ныне по моему подобью	Nach meinem Bilde,
Поколение (род), членом которого я являюсь,	Род людской я формую,	Ein Geschlecht, das mir gleich sei,
Чтобы страдать, чтобы плакать,	Чтоб плакал, томился, наслаждался и счастливым	Zu leiden, weinen,
Чтобы наслаждаться и любоваться,	был,	Genießen und zu freuen sich,
И тебя чтоб не уважать,	Тебе не вверялся,	Und dein nicht zu achten,
Как я!	Как я.	Wie ich!